

НИКОЛАЙ КОЛЯДА

СУМАСШЕДШИЙ ТРАМВАЙ

Монолог в одном действии.

Город Екатеринбург

2022 год

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

**АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ, 35 лет, дежурный по
эскалатору в метро.**

ПАССАЖИРЫ МЕТРО

Наши дни. Московское метро.

Метро. Будка дежурного по эскалатору.

Эскалаторы движутся – один вверх, другой - вниз.

Аркадий Петрович сидит в будке за стеклом, говорит в микрофон и его слова гулко летают тут под землёй, под каменными сводами:

АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ. Граждане пассажиры, будьте внимательны при спуске с эскалатора! Держите детей за руку! Держитесь правой стороны!

Выключил микрофон.

У него над столом висит игрушка мягкая – обезьянка с хвостиком и выпученными глазами.

Как же. Так они и послушались. Им голос с небес говорит, а они не слушают. А они кого вообще слушают? Слышь, ты, идиотка с чемоданом, куда поехала? Не слышит. И никто меня не слышит. Вот так, да? Ну ладно. *(Говорит обезьяне)*. Это вот тоже самое, как тебе говорить, чучело безмозглое, толку – нуль. Что ты как песку наелась: смотрит шарами и смотрит. Что смотришь? На то тебе и глаза, да, так хочешь ответить? Чучело. Правильно, что тот пацаненок тебя потерял у моей будки, а я подобрал и сохранил тебя. Вас много потерянных, вон, под ногами у меня лежат игрушки: слоненок, поросенок, кошка, собачка, и еще какое-то чмо китайское, непонятно что. Я его толкаю, оно песни поет. Да?

Толкает ногой игрушки, которые у него под ногами лежат.

Одна из игрушек запела: «Теперь я Чебурашка! Мне каждая дворняжка ...»

Заткнись, тварь китайская. Ты кто тут? Вообще – нуль. Тебя кинь в море – жаба титьку не даст, понятно? Я вам устрою сегодня после смены. У меня – последний день. Неделю я проработал, испытательный срок. Сегодня: всё, говорят, всем вам - целованда, досвиданция. Целую в дёсны – ваша крёстная, понятно? Мол, не прошел экзамен ты, трудовую книжку получишь по почте. Вот так, да? Ну ладно. Потому что у них тут бардак везде, а я привык быть начальником, командиром, генералом, президентом, патрицием и всем говорить привык, как надо, а как не надо. И говорю. А им не нравится. Потому что я говорю правду. А кому правда нравится? Никому. Нигде порядка нет. Всех надо учить. Я учу везде. Где я только не работал – уу, не рассказать. И меня не любят, и меня увольняют. Ну и что? Забыть. И дома: жену учу всё. У нее должно быть по-немецки: «Три Кэ». То есть, Киндер, Кухен, Кирхе. Понятно? Значит: кухня, дети, церковь. Двух детей своих тоже строю – там у меня порядок. По одной половине они у меня ходят. Интернет? Нет. Гулянки? Нет. Телефон? Фиг. Смирно стоять! А здесь? Ну, ты посмотри, посмотри, бежит, коза нестроевая!

В микрофон:

Женщина! Да не вы! Бабушка! Вы, вы! Ну, нельзя бежать по эскалатору! Вы упадете и будет травма. Вы упадете на спуске с эскалатора, а на вас другие навалятся! Метро – место, опасное для жизни, понимаете? Вы куда бежите? Понял: очередь занимать на кремацию. Успеете еще. А еще с собой у вас сумка на колесиках! И ею вы создаете опасность для человеческих жизней!

Выключил микрофон.

Вот ведь коза старая. Еще прошла мимо и вякнула чего-то. Мол, я не старая и не бабушка. Вот так, да? Ну ладно. А кто ты тогда - дедушка? Говно мамонта ты. Засохшее. Дура. Забыть. Я привык, что меня все оскорбляют. Я водил трамвай. Месяц. Сняли меня оттуда. Говорят: «Много говорите в микрофон». Мол, люди обижаются. Какие это люди в трамвае ездят? Ну, какие? Там ездят голодранцы херовы, нищелюбы, гопота, отбросы общества, бывшие зэки, бездельники. Ну, меня уволили с вагоновожатых. Меня перевели в контролеры. Две недели я ходил с сумкой по трамваю. Говорю один раз одной старой

крысе: «Маску-то, ну, маску-то одень, старая! Ты из себя заразу распускаешь, или в себя выпускаешь от тех, кто тут едет с тобой, это же нельзя, непорядок, ну?!». А она шары пучит на меня. Я потом одному старому там в трамвае говорю: «Ну, вот какого хера ты в час пик залез в трамвай? Ты в другое время не мог?». Он тоже глаза пучит, как эта обезьяна вот – и молчит. И что? Они на меня написали телегу в трамвайно-троллейбусное управление. Старуха написала, мол, я кандидат наук, а тот старый написал - я академик из академий и, мол, нас оскорбляют, пожилых и уважаемых людей. Вот так, да? Ну ладно. Стельки старые, грязные, академики, ишь?!

Включил микрофон.

Граждане пассажиры! Не забывайте, что метро – место повышенной опасности! Не подходите близко к платформе, а то сорветесь, а нам отвечать! Детей ваших, ублюдков, держите за руки и это всегда помните!

Выключил микрофон.

Да ладно мне баки заливать, вы песку, что ли, наелись? Это я этим там, в трамвайно-троллейбусном, сказал. Сказал: «Ну, какие начальники они?». Очень даже просто: два штрибана ехали в трамвае. Академики и кандидаты не ездят в трамваях, а ездят на черных «Волгах»! Ехали медведи на велосипеде! (*Молчит*). Из трамвая меня уволили не за это, а потому, что один раз ехала золотая рота, хулиганы, я их остановил, сказал, что нельзя в трамвае громко говорить! А они ржут на меня. Вышли и на трамвае написали: «Сумасшедший трамвай». И рожу мою баллончиком нарисовали. Похоже было. И мы так весь день ездили на трамвае. Не видели. И в трамвайно-троллейбусном управлении мне сказали, что это порча государственного имущества из-за меня. И уволили. (*Молчит*). Ехали в трамвае академики и кандидаты, а их обозвали. Ехали медведи на велосипеде. И они обиделись. У меня жизнь под откосом из-за вас из-за всех, гадов.

Включил микрофон.

Помните памятки тем, кто пользуется метро! И выполняйте то, что помните!

Выключил микрофон.

Помните или помните? Да. Именно. Помните эти памятки и жопу подотрите. Не забывайте, что ваши дети уродцы. Потому что воспитание западное: пусть делает, что хочешь. На пол пусть упадет, ногами дрыгает, ага. (*Пауза*). Нет, мне, конечно, жалко, что я тут последний день. Я тут командовать мог. Тут сухо, тихо – сиди себе да сиди. Смотри на эти лестницы вверх и вниз. Но в сон тянет, когда народу нет. Когда есть, дак орешь и так хорошо. Вот сейчас: едет человек мало, скоро час ночи. А так спать охота – щиплю и щиплю себя. Или вот выйду и без микрофона лаюсь со всеми. Вот выйду-ка я, а?

Вышел из кабинки.

Женщина, ну, в метро нельзя в длинном платье. Затянет вот эскалатор вас. Знаете, сколько случаев было? Коляску подымайте, ну? Вещи зачем поставили на ступеньку? А вы, негр, почему говорите тихо по телефону и не по-русски? А? Не надо мне тут вот это вот, не надо мне это вот тут вот так! Почему не по-русски, ну? Тут Россия, хоть и под землей. Говорите, чтобы я понимал. Потому что вдруг вы задумали теракт в метро? Я сказал: не надо мне тут вот это вот, не надо мне это вот тут вот так! Что? Вот так, да? Ну ладно.

Вошел в кабинку.

Сам ты дурак. Иди вали отсюда. Не брат ты мне, гнида черножопая. Понял? Еще и по-русски говорит, оказывается. То всё бебекал не по-нашему, а то вдруг по-русски мне сказал, что я ... Сам ты это слово, понял? Ладно. Еще 15 минут и всё. Выключу эти две дороги, и пусто будет. Ой, ой. Прямо не могу смотреть. Видишь, видишь, обезьяна, какие одухотворенные лица у этих? Это они из театров едут, эти последние в метро ... Что вы эти театры слушаете, чему вас там они учат? Деньги и время тратите. Там говно одно, там мужики в платьях, накрасят губы и поют, намажутся, как говны, и выступают. Там только

одно фуфло покрашенное, а вы им верите. *(Молчит)*. Я сидел вот так и разговаривал сам с собой, чтоб не уснуть. И приходит этот толстый жирный главный, обходчик, такой, с животом, с пузенью - у него кишок в животе – до луны достать можно, если разрезать живот и кишки мотать. Да мотать никто не будет, потому что кишки с говном – и вот он мне говорит: «А что вы разговариваете всё время и забываете микрофон выключить?». «И что? – говорю. - Пусть послушают умных людей». *(Молчит)*. Я пишу роман, вообще-то. Ну, начал пока. И там всё про то, как надо жить. Потому что всё неправильно. Но я пишу в иносказательной форме. Действие происходит в Древней Греции. Эзопов язык. Сейчас нельзя впрямую. Вот меня почему отсюда увольняют? Потому что я впрямую говорю: так и так нельзя делать. Я им говорю: не надо мне тут вот это вот, не надо мне это вот тут вот так! А им обидно. А в романе, если я пишу, что император сидит на троне, то все понимают, что это никакой не император, а - сами понимаете кто. Ну, я, конечно. Я император. А вы про кого подумали? Нет, я гений. Вы еще про меня услышите.

Включил микрофон.

Пассажиры, нельзя бегать по ступенькам! Правила будете соблюдать или нет?

Выключил.

Там, в моем романе, как будет: скажем – сановники, патриции будут вокруг трона, вот как будто я тут в будке сижу, чтоб повыше, а вокруг быдлота стоит, и смотрят в рот императору. А он им говорит: «Суки, так и так не делайте! Не стрижено, а брито!». Не надо мне тут вот это вот, не надо мне это вот тут вот так! *(Молчит)*. Вот, идет, идет. Тридвараз, его видно сразу, за километр. В ночной клуб поехал. Кокаин нюхать. Мистер Высокая Талия, у него штаны под горло подтянуты. Иди, иди, тридвараз, Сталина на вас нету. А этот что? Пьяный. Грязный, еле идет, присел давно уже на синюю лавочку, алкаш. Запикулил как, а? О, о, о. А этот с работы идет. Видно офисных работников за километр. Это тот, кто работает на полставочки, он - с утра полчашечки, в обед полбулочки, ночью полшишечки. У него всё – «пол». Не целое, а половина. Я в сортах говна разбираюсь. О, о, о. Вот еще говно идет. Стучит мне в коробку. Чего стучишь? Себе по башке постучи. Кислород тебе в голову поступает, нет? Идиот какой, а? Я всю жизнь сам на сам без никому. Понятно? Мне учителей не надо. Я всё и так понимаю. Без вас. В жизни всякое бывает: жук пердит, медведь летает. Понял? Не надо мне тут вот это вот, не надо мне это вот тут вот так! Труд у меня тут бесполезный, но качественный.

Вышел из кабинки.

Что, уронил игрушку тоже? Вот так, да? Ну ладно. Иди, я подберу. Ну, нельзя задерживаться, надо вперед проходить! Что вы как стадо баранов? Да пиши куда хочешь! Я еще десять минут и увольняюсь! И пойду туда вон – вверх по длинной лестнице, ведущей вниз.

Вошел внутрь.

Сидит, обезьяну толкнул.

Дура какая. Шары пучит. Короче, я нашел программу, которая голос переделывает в текст, раз тут на работе нельзя отвлекаться и нельзя писать. Говорю свой роман на телефон, дома перевожу на компьютер, он мне печатает. Но это не то. Тут всё равно мешают. Даже говорить в телефон мешают. А всё рождается из тишины у писателей. А я гений. Что смотришь? Ты вот так, да? Не надо мне тут вот это вот, не надо мне это вот тут вот так! Ну ладно. Есть такая техника письма: пиши, что попало, а в конце выйдет что-то обязательно. Это как в жизни: вали всё в кучу, а потом получится что-то. Я пока один лист только наговорил. Чищу всё, каждая строчка - золотая. «Моя подземная Россия. Моя земляная земля. Россия в подземельи». Да я не сумасшедший, я же проверялся, не надо мне тут говорить всякое. Я пришел в больницу, врачаха посмотрела на меня, говорит: «Идите домой, вы гений». Я и пошел. А чего мне с ума сходить? Полная семья. Кошка есть. Живая, не игрушка. Я вот эти вот игрушки ненавижу. У моих детей игрушек нет. И не

будет. Им не надо ничего такого. Я буду жить долго. Отец у меня в 86 умер, значит, мне еще жить 51 год. Гены потому что. Гены великого гениального русского человека. Это я про себя. А ты подумала про тебя? Нет, про себя я.

В микрофон:

Будьте внимательны на панели! То есть, на платформе! Девушка, права, права держись, что ты как это, я не знаю?! А ты что встал у будки и смотришь на меня? Да снимай, снимай ты свое видео для фейсбука. Там одна помойка в твоём интернете, давай, давай. Свали меня туда в яму грязную, вонючую! Снимаешь? Ты так, да? Ну ладно. На вот тебе палец – фак! Бебанат ты кальция!

Выключил микрофон.

Я был начальником только в армии. Вот там было хорошо. Я их так там тренировал, сук, салаг этих. Я им говорил: «Не надо мне тут вот это вот, не надо мне это вот тут вот так!». Один даже приехал потом после армии и меня побил. Ты так, да? Ну ладно, - говорю. И подал на него в суд. Не знаю, чем кончилось, не ходил на суд. Хотел там в армии остаться прапорщиком или даже старшиной – не взяли. Сказали: «Нет, ты сильно много берешь инициативы». А им надо – только на полшишечки. Мол, народ сам догадливый. Ага. Как же. Они не могу без начальника жить.

В микрофон.

Слезь с перил, дебил! Слезь, сказал, а то сирену включу! Ты вот так, да? Ну ладно.

Выключил.

Вот там, в армии, я этот год вспоминать всегда буду – там я был человек. Да. А тут что? Одно барахло и разложение. А я люблю показывать пример. Сейчас мужиков нет. Одни бабы в штанах. Никто не берет на себя ответственность, никто не может решиться, все боятся принять решение. А я могу. Я русский мужчина. Мужичок. А я привык всех строить. Смирно! Равнение налево! Шагом марш! Всё не так, всех переучивать надо, вы все всё неправильно делаете!

В микрофон.

Ну, вот что ты идешь, в телефон смотришь?! Тут ведь кончается дорога и ты - бултых! –упадешь, а сзади еще семеро, это же метро, а вы себя ведете, как на детской площадке! Платье, женщина выше держите! Да, вы! Ну, девушка! Вы, да! Это парень в юбке, что ли?! Да ты сдурел уже, юбку подними! Да, да! Себе у затылка поковыряй! Ой, ой, ну, насмотришься тут на народ. Какой народ негодный пошел. Корня нет, нет кроны, нет ничего, на асфальте выросли. Женщина, коляску надо в руках нести, ребенка на руки берите, ну?! Ай! У меня уже мозоль на языке от вас!

Выключил микрофон. Говорит обезьяне:

И тебя неправильно сшили. Не так надо шить. Не поперек надо шить, а по вдоль. Ты зачем вот есть вообще? Чтобы детей пугать? А внутри у тебя что? Китайцы вату сунули? Нет. Наполнитель они сунули. А это - отраву ребенку. Ну, ничего, я вечером сделаю с вашими игрушками то, что делал каждый вечер, вот увидишь. Да, да. И тебя, звезда нестроявая, в первую очередь. Распорю на хер и затопчу. Я уже так пять раз делал за неделю. Ну да. И за это тоже меня выгоняют. Мол, после меня мусора много. Сами вы - мусора много.

В микрофон.

Бабка, ты, да, старая, ну, встань справа, куда ты лезешь вверх? Еще мне чего-то машет! Себе по башке постучи! Я тут начальником! Не надо мне тут вот это вот, не надо мне это вот тут вот так! Завтра сюда вам старуху посадят, вот она будет спать, а вот я пока не сплю и порядок навожу! И говорю вам правду и как надо! (*Молчит*).

Выключил микрофон.

Говорит обезьяне:

Да, обезьянка ты моя, капец. Всё, тебе еще жить осталось пять минут. За пять минут до

твоей смерти сообщаю тебе – унеси в могилу мою тайну! – я пишу роман. Что? Говорил я это тебе уже? А еще раз скажу! Закреплю успех! Знай: техническая часть осталась, сесть и записать. Он у меня в голове, мой роман. Там есть герой, цезарь, император – понимаешь, с кого я его пишу, и кто прообраз? Поняла, не дура, качаешься! Ну вот, и вот он их воспитывает и показывает, как жить надо. И роман мой перевернет весь ваш сраный мир, потому что покажет: как можно прекрасно жить с начальником и как тяжело без него. Вот почему разрушилась Римская империя, знаешь? Никого уже нет в метро. Спрошу это громко.

Включает микрофон.

Вот почему разрушилась Римская империя, э, вы, быдлота, слышите меня?! Ну, вы, смирно, налево, стоять?! Почему Египет был такой – какие-то дебилы арабы и вот без инструментов черножопые рабы построили пирамиды. Ну как так? Тонны камня таскали! Потому что был начальник – Тутанхамон. И он им сказал: «Вперед, тащи эти тонны, сука, блядь!». А они: «Не можем!». А он им: «Можете, суки! Я сказал: делать!». И ведь делали. А потом пришла эта сука Клеопатра и занялась простиблядством! И всё! Как может баба руководить государством? Курица не птица, баба не режиссер! У меня жена молчит, я ей только указываю, что делать! Двое детей – по половине ходят! Нельзя стоять спиной на лестнице, которая поднимается вверх! Под ноги смотри! Стоять, держаться за движущиеся поручни и смотреть вперед!

Выключил микрофон. Вышел из будки.

Ехали в трамвае академики и кандидаты, а их обозвали. Ехали медведи на велосипеде. Всё. Конец смены. Не надо мне тут вот это вот, не надо мне это вот тут вот так! Все приехали и уехали. Нажимаю кнопку «Стоп эскалатор вверх», потом «Стоп эскалатор вниз». Видали, сколько игрушек бросили, уронили?

Нагибается, собирает все игрушки, выставляет их к стенке.

Заходит в будку, еще берет, еще выставляет.

Ходит, смотрит на игрушки.

Ну, что, дети подземелья? Сидите? Молчите? Не дышите? А как дышали, а? Прощайте, дети подземелья, сейчас я с вами разберусь и выйду из мрака земли к свету.

Ходит перед игрушками.

Что, я - сумасшедший трамвай? Значит вы так, да? Ну ладно. Что сели и молчите? Кошка должна мышек ловить, а ты тут? Смирно, твари! За неповиновение правилам жизни что следует? Правильно! Отлучить от общества. В тюрьму. И смертная казнь. А если вы еще и приносите вред обществу, тогда что? С молчаливого согласия таких, как вы, происходят преступления! Вы набиты китайской отравой! Вы детей, будущее наше, с молчаливого согласия желтожопых травите! Если враг не сдастся, его уничтожают.

Пнул игрушку. Игрушка поет:

«Хепи бездей ту ю ...»

Значит, ты так, да? Ну ладно. А ты что споешь?

Пнул другую. Игрушка поет:

«Вместе весело шагать по просторам! И, конечно, умирать лучше хором!»

Ах ты, тварь, издеваешься? Ты так, да? Ну ладно. Вот что засунули в тебя желтолицые! Такую песню? Умрешь сейчас. Все хором умрете. А ты сука, что молчишь?

Берет игрушку Хомяка в руки.

Игрушка повторяет:

ХОМЯК. А ты сука, что молчишь?

АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ. Что ты сказал, сука, повтори?

ХОМЯК. Что ты сказал, сука, повтори?

АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ. Заткнись, тварь!

ХОМЯК. Заткнись, тварь!

АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ. Я гений, ты, сука?

ХОМЯК. Я гений, ты, сука?

АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ. Ты с кем так базаришь?

ХОМЯК. Ты с кем так базаришь?

АРКАДИЙ ПЕТРОВИЧ. Ну, всё, прилетело.

ХОМЯК. Ну, всё, прилетело.

Аркадий Петрович рвет игрушки, выкидывает из них внутренности, из игрушек сыпется белая труха, наполнитель.

Аркадий Петрович весь в белом, как в муке или в снеге.

Всё, я пошел. Мавр сделал свое дело, мавр может удалиться. Я иду вверх по лестнице, ведущей вниз. Я ухожу из вашего ада. Я всё равно буду руководить всеми вами, и всех на место буду ставить и учить буду жить. Тут плохо, потому что тут окон нет. Света нет. Пустите к солнцу. Не платите мне за эту неделю. Прощайте, уроды. Живите в темноте.

Идет по эскалатору вверх, уходит.

Растерзанные куклы лежат.

Темнота

Занавес

Конец.

27 февраля 2022 года

город Екатеринбург